

Забавно, не правда ли? Неважно, на каком языке они говорят, все звучат одинаково, когда выдергиваешь их ногти". - Ужасный Император Фол III, "Лингвист" Стопка книг хлопнула по столу. "Самые выдающиеся истории Неподражаемой Ужасной Империи Прэс", тома с I по III, составляли верхний слой, и я потерял интерес, проверив, что прямо под ними - исследование Лицерианских войн. Боги, они плодятся как вши. Мне пришлось прочитать уже семь трактатов о падении Миезанской империи - каждый из двух ученых считал, что его собственная точка зрения на причины победы баалитов уникальна и беспрецедентна, при этом беззастенчиво воруя работы друг у друга. "Полагаю, вы хотите, чтобы я прочитал их, а не, скажем, забил кого-нибудь до смерти кипой?" - сухо спросил я. сухо спросил я. "Очень проникательно с твоей стороны", - заметил Блэк. "Сегодня днем мы отправимся в Саммерхолм, но перед этим мы обсудим, как будут проходить ваши дни в обозримом будущем".

"И, по-видимому, эта форма включает в себя..." Я присмотрелся к одной из книг, лежащей ближе к низу: "Внимательное изучение сельскохозяйственной практики праэси? Вы уверены, что я не смогу заставить вас пересмотреть идею с дубинками?" Рыцарь нахмурился. "Сухое чтение, соглашусь, но необходимое". Учитывая, что я никогда в жизни не видел фермы и сомневаюсь, что он когда-либо делал что-то большее, чем просто проезжал мимо, это было заявление, которое я не хотел проглотить без боя. Я поднял бровь. "Значит, в ближайшие месяцы мы будем много заниматься сельским хозяйством? Вы когда-нибудь были на ферме?" Он бросил на меня забавный взгляд. "Вообще-то, я вырос на ферме. Мой отец был свободным землевладельцем на Зеленой полосе".

Мне потребовалось мгновение, чтобы определить название, и я вспомнил несколько уроков географии, которые прослушал с трудом. Так называли полумесяц плодородной земли в Пустоши, рядом с Благословенным островом. Я слышал, что это единственная часть Праэса, где люди смешивались с калловцами, что было вполне логично, учитывая бледный цвет кожи моего учителя. Тем не менее, идея о том, что предводитель Бедствий вспахивает поле, была просто уморительной по многим причинам. Я уверен, что эти поля угнетены так, как ни одно поле до них, - усмехнулся я про себя. "Freeholder?" повторил я через мгновение, с трудом выговаривая незнакомое слово. "Это, значит, отличается от обычного фермера?"

Блэк занял место на скамье напротив стола. В банкетном зале было так же пустынно, как и две ночи назад - видимо, я проспал целый день и на свою беду умудрился пропустить повешение Мазуса, - хотя полированное дерево уже давно было очищено от еды и тарелок. Я уже отложил в сторону сытный завтрак, которым меня снабдила дворцовая кухня, умяв две порции и полкотелка чая: Именные видения, видимо, нагуляли аппетит. Я решил не комментировать тот факт, что зеленоглазый мужчина уже держал в руках кубок с вином, не дождавшись полуденного звонка. "Земля в Пресе обычно принадлежит знати, - пояснил он, - то есть верховным лордам или их низшим коллегам. Люди, которые обрабатывают землю, арендуют ее у них и не имеют права решать, что с ней происходит. На Зеленой полосе нет ни одного дворянского домена". Я поднял бровь. "Для Империи это выглядит необычно просвещенным", - прокомментировал я.

Он фыркнул. "Стретч - житница Праэса - север Пустоши едва производит достаточно зерна, чтобы прокормить себя, не говоря уже о продаже излишков, а юг - это настоящая пустыня. Любой дворянин, имеющий значительные владения в Стретче, мог бы по своему усмотрению морить Империю голодом". А. В этом было немного больше смысла, но в каком-то удручающем смысле. "Полагаю, владельцы свободных земель арендуют их непосредственно у императрицы?" Он кивнул. "В некотором смысле. При вступлении во владение землей взимается единовременная плата, которая действует в течение всей жизни владельца. Если земля переходит по наследству, ее приходится платить снова, но обычно Тауэр не вмешивается в дела всего региона".

Я всегда считал Праес единым целым, но чем больше я узнавал о нем, тем очевиднее становилось, что это совсем не так. Интересно, сколько ошибок в управлении Каллоу было вызвано не глупостью, а необходимостью улаживать Высших Лордов? И как женщина с репутацией императрицы Малиции может терпеть, когда ей навязывают руку идиоты? "Почему вообще существуют Высшие Лорды?" - спросил я наконец, спросил я наконец. "Они же явные претенденты на трон - так почему императрица не убила их всех и не превратила всю империю во фригольды? Если судить по тому, как прошел твой разговор с Мазусом, ты был бы только за то, чтобы сесть на эту лошадь". Пальцы Блэка задумчиво барабанили по столу. "После того как мы выиграли гражданскую войну, я так и посоветовал Малиции. Будь моя воля, мы бы их всех живьем прибили к воротам их маленьких королевств и разбили бы аристократию так основательно, что в Праэсе еще тысячу лет не было бы ни одного благородного".

"И все же они здесь", - тихо заметил я. "Она не согласилась", - сказал он мне. "Утверждала, что возникший хаос дестабилизирует Империю на десятилетия. А поскольку против ее правления всегда будет оппозиция, лучше знать, кто ее враги - и что она сможет их победить, если понадобится". То, как он произнес эти слова, было странно. Он не отстаивал эту позицию сам, а просто пересказывал чужое мнение. Отсутствие убежденности было заметно. "Вы все еще считаете, что это нужно было сделать", - наполовину догадался, наполовину констатировал я. "Да", - согласился он. "Но она всегда видела политику яснее, чем я, поэтому я доверяю ее мнению. У меня есть определенная склонность пытаться... упрощать проблемы".

А это значит, что проблемы с гвоздями живьем прибили к воротам их "маленьких королевств". Плачущие небеса, сам образ... Он упомянул о начальнике во время своей речи при приеме на работу, и в ходе разговора стало ясно, кто это такой. Не то чтобы были какие-то сомнения. Легионеры Гнезда говорили о Черном Рыцаре с восхищением, но об Императрице - с благоговением. "О внутреннем устройстве Империи мы поговорим в другой раз", - сказал Блэк, меняя тему разговора. "Желательно после того, как вы познакомитесь с основами ее культуры. Для вас приоритетными будут эти три книги". Он легонько постучал по корешку трех особенно потрепанных на вид манускриптов, лежащих в центре стопки. Один из них был написан незнакомым мне шрифтом - он больше походил на магические глифы, которые иногда используют маги, чем на буквы, - но два других были написаны чем-то, что я мог прочитать. Два слова: первое - Тагреби, второе - Мтетва. Языки, оба.

"Я думал, что люди в Империи говорят на нижнем миезане?" спросил я. Это был язык, на котором мы разговаривали, и единственный, которым я владел. Честно говоря, только он мне и был нужен: у меня было несколько уроков старомиезанского, но это был уже чисто письменный язык. Деорайты на севере все еще говорили на том же языке, на котором они говорили еще до рождения Королевства, а некоторые земли на юге Каллоу все еще говорили на племенных диалектах, но все понимали нижнемиезанский. Даже люди из Княжества, которые никогда не торговали с миезанцами, обычно понимали его. Хотя, скорее всего, это объяснялось тем, что язык, на котором они говорили, был настолько адски сложным, что никто не хотел его учить. "Понимают", - согласился Блэк. "Когда мы еще были провинцией, этот язык стал самым распространенным. Но если ты когда-нибудь будешь командовать солдатами праэси, тебе придется понимать языки, на которых они воспитывались, - хотя бы для того, чтобы знать, что они говорят, когда не используют нижнемиезанский".

Я раздраженно хмыкнул. Он был прав, но это не делало перспективу изучения двух совершенно новых языков более привлекательной. Не помогало и то, что у меня было ощущение, что я буду учить оба языка одновременно. "А какой третий?" спросил я, вместо того чтобы продолжать наслаждаться своим недовольством. "Это глифы?" "Они написаны на кхарсуме, хотя я был бы удивлен, если бы ты смог их узнать". "Кхарсум", - повторил я в недоумении. "Ты хочешь, чтобы я выучил оркский язык?" "Кхарсум", - резко поправил он меня.

"Запомни правильное название. И это не единственный язык орков, а лишь самый распространенный диалект". "А гоблинский я тоже буду учить?" пожаловался я. Блэк невесело усмехнулся. "Я работаю с гоблинами уже более пятидесяти лет, а все еще не знаю его настолько, чтобы поддерживать разговор. Они не учат этому чужаков". Любопытство на мгновение оттеснило мое возмущение, хотя оно было очень близким. "Так они все что, говорят на чужих языках?"

"Даже гоблины из самых отсталых племен становятся двуязычными уже тогда, когда начинают ходить", - сообщил мне рыцарь. "В среднем они говорят на четырех языках - большинство Матронов владеют семью, включая нескольких, которые могут говорить на процеранском". "Это безумие", - хмыкнул я. "Сколько же времени это должно занимать..." "Это меньше, чем можно подумать, если начать достаточно рано", - вклинился он. "Кроме того, у тебя есть преимущество, которого нет ни у кого из них". Хм. Это было что-то новенькое. "Если ты скажешь 'талантливый учитель', я не буду отвечать за свои действия", - предупредил я его. Он усмехнулся. "Нет, хотя это преимущество. Если я не ошибаюсь, хотя бы один из трех твоих аспектов облегчит тебе задачу". Я приподнял бровь. "Вы хотите сказать, что все эти 'три греха' на самом деле правда?" спросил я. Он удивленно моргнул. "Три греха?" - повторил он, выражая нечто среднее между недоумением и любопытством.

"И всем тем, кто встанет под знамена Зла, Небеса даруют три греха, посеяв семя их гибели во имя Справедливости", - процитировал я по памяти. Проповеди в Доме Света обычно были скучными, но эта привлекла мое внимание: всегда интереснее слушать о том, что замышляют злодеи, чем получать наставления о важности семнадцати кардинальных добродетелей. "Ваши священники всегда умели владеть словом", - весело заметил он. "Правда, я заметил, что они не упоминают, что у героических ролей есть свои аспекты". "Значит, аспекты вместо грехов", - размышлял я. "Я могу купить это. А для чего они нужны?" "Они определяют твою Роль", - сказал он мне, тон стал серьезным. "Они будут меняться от одного воплощения к другому, в некоторой степени, но некоторые аспекты так же хороши, как застывшие в камне. Например, роль Черного Рыцаря - это завоевание". "И что это значит?" ответил я со здоровой долей скептицизма. "Что ты умеешь что-то завоевывать?"

"Чем более тесно ты связан со своими аспектами, тем большая часть силы твоей Роли тебе доступна", - улыбнулся он. "Поэтому, когда я, как вы выразились, 'завоеываю что-то', я становлюсь... больше тем, кто я есть". "Так почему же тогда ты не всегда что-то завоевываешь?" спросил я. "Разве вы не были бы практически непобедимы?" "Такая логика была популярна у некоторых моих предшественников", - согласился он. "Но в конечном счете есть только столько силы, к которой можно получить доступ, а слишком близкое расположение к своим аспектам приводит к туннельному зрению. Не говоря уже о другой стороне уравнения". "Герои", - пробормотал я. "Почему у меня такое чувство, что на каждую злую роль с 'Завоевать' приходится добрая с 'Защитить'?" "Потому что я редко терплю компанию имбецилов?" - предположил он. Я бросил на него неприязненный взгляд. "Прошу вас, сэр, не нужно хвастаться - мне станет неловко", - отчеканил я. Он не успел сделать глоток достаточно быстро, чтобы скрыть улыбку. "Итак, каковы же мои аспекты?" - спросил я. спросил я. Он пожал плечами.

"Только вы можете ответить на этот вопрос. Это придет к вам в свое время. Учиться - это типично, и именно поэтому я считаю, что бросок с пресловутой скалы при изучении языков даст наилучшие результаты", - сказал он. Значит, он не был совсем уж неразумным. И все же, оркский язык. "Я даже не знал, что у орков есть письменность", - признался я, разглядывая не глифы, начертанные на корешке книги. "На самом деле он появился раньше всех других письменных языков на этом континенте", - прокомментировал он. "В этом отношении приход миезанцев отбросил их на много веков назад".

Насколько я мог судить, это всегда было проблемой миезанцев. Они строили удивительные сооружения и творили чудеса с помощью магии, которые никому не удавались с тех пор, но у них была неприятная тенденция топтать покоренные культуры, чтобы те не восставали. Рабы-орки были ценным товаром в поздней Империи, так как они могли справляться с большим количеством тяжелой работы, а кланы, которым не нравилось, что у них отбирают детей, закручивали гайки, иногда вплоть до вымирания. Повезло, что Первая Лицерийская война разразилась до того, как они успели войти в лабиринт мелких королевств, ставших впоследствии Каллоу, потому что иначе я не знаю, как бы выглядела моя родина сегодня. "По крайней мере, скажите, что я буду изучать что-то действительно интересное", - попросил я. Он фыркнул. "Чтение будет проходить в свободное время", - сообщил он мне. "С завтрашнего дня ты будешь просыпаться на рассвете для занятий с мечом либо со мной, либо с капитаном".

Я усмехнулся. Теперь это было немного больше по мне. "Этот продается гораздо мягче". Он бросил на меня забавный взгляд. "Я так и предполагал. После полуденной трапезы вы будете предоставлены сами себе до послеобеденного звонка. До вечернего звонка я буду заниматься теми аспектами вашего образования, которые нельзя почерпнуть из книг". Это тоже звучало многообещающе. "И что это значит?" Он хмыкнул. "Мы отправимся в путь после обеда, так что, полагаю, сейчас самое подходящее время для сегодняшнего урока. Захвати свой нож, а мы подумаем, как найти тебе подходящее крепление". Ходить в акетоне было непривычно. К жаре я привык достаточно быстро - хотя без сопутствующего пота вполне можно было обойтись - но ощущение, что толстый слой дополнительной защиты покрывает меня от шеи до колен, было немного сюрреалистичным. Какая-то часть меня хотела броситься на стену, чтобы посмотреть, отскочу ли я, хотя рационально я знал, что не отскочу.

Я уже второй раз пробирался через залы власти родного города, поэтому, следуя за Блэком по коридорам, похожим на лабиринт, не преминул полюбоваться пейзажами. Гобелены с изображениями охот и сражений пестрели там, где не было картин, и я с тихим весельем отметил, что никто не посчитал нужным убрать те, на которых были изображены победы калловских королей над Империей. Была даже одна, особенно великолепная, на которой был изображен Грозный Император Нефариус, которому Волшебник Запада надрал задницу во время его неудачного вторжения, на тех самых Стрегских полях, где Блэк нанес ему сокрушительное поражение двадцать лет спустя. Я почему-то сомневался, что Нефариус действительно уронил свою корону, спасаясь бегством, но все равно вид вытканной сцены согрел мне сердце. Большую часть стен покрывали деревянные панели теплых тонов, искусно украшенные резьбой по краям, но по мере того, как рыцарь вел меня к западному крылу дворца, они появлялись все реже и реже.

"Значит, мы направляемся в конюшню?" спросил я. В данный момент он не выглядел особенно расположенным к разговору, но когда это меня останавливало в отношениях с кем-либо? "Да", - рассеянно ответил он. "Королевские конюшни больше не обслуживают личную свиту рыцарей короля, поэтому они не так хорошо укомплектованы, как раньше, но мы должны найти все, что нам нужно". "Мне кажется, я должен отметить, что я никогда не ездил на лошади", - услужливо подсказал я. "Не думаю, что я даже приближался к ней ближе, чем на шаг". Он бросил на меня косой взгляд, когда мы переступили порог помещения, которое, похоже, было пристройкой к кухне - правда, до смешного просторной. "Это подозрительно специфическая единица измерения", - сказал он через мгновение. "Хотел пнуть охранника", - бессовестно признался я. "Бедняга". Он поднял бровь. "Охранника?" "Лошадь, конечно", - хмыкнул я в ответ. "Охранник сам напросился".

Тень улыбки мелькнула на его лице, когда мы вошли в мощный двор - внезапный переход к солнечному свету на мгновение ослепил меня. Но, как я заметил, не так сильно, как неделю назад. Не прошло и двух ударов сердца, как я уже привык к смене обстановки, и от этой

странности по позвоночнику пробежала дрожь, не имеющая ничего общего с потливостью. А ведь я еще даже не сквайр. "Ты также будешь лучше видеть в темноте", - пробормотал Блэк с моей стороны. "Хотя и не так хорошо, как гоблины". "Моя квота жутких осознаний на сегодня достигла полной загрузки", - сообщил я ему. Он хмыкнул. "Тогда, наверное, урок тебе не очень понравится". "Ну, это совсем не зловеще", - отшутился я. "Вы собираетесь оставить это без внимания, как ту забавную фразу о том, что все хотят меня убить? Потому что я все еще жду объяснений по этому поводу". "Всеу свое время", - ответил он с безмятежной улыбкой, по которой мне очень захотелось ударить молотком.

Я почувствовал запах королевских конюшен раньше, чем увидел их: навоз и животные имели ярко выраженную вонь, особенно в больших концентрациях. Можно было подумать, что какой-нибудь маг уже придумал заклинание, избавляющее от запаха дерьма. Конюшни были сделаны из того же серого гранита, что и остальная часть дворца, - длинный ряд стойл, в которых стояло до полусотни лошадей. Вдалеке стоял конюх, кормивший жеребца сеном, но, бросив один взгляд в нашу сторону, он быстро ретировался. "Значит, мерин?" спросил я, когда мы подошли достаточно близко, чтобы я мог рассмотреть лошадей. "Я слышал, что на них легче ездить новичкам".

Лошади, которых я видел в стойлах, были мало похожи на тех, которых я видел на улицах, когда они тянули телеги: они были крупнее и выше, боевые лошади, а не рабочие. Некоторые из них имели достаточно отчетливую внешность, и я был уверен, что это определенные породы, хотя ни одной из них я назвать не смог. Может быть, у процеранцев были какие-то виды лошадей, называемые дестриерами? Я знал, что кавалерия Кэллоу когда-то была знаменита, но, учитывая, что рыцари были в значительной степени уничтожены во время Завоевания, их уже не часто можно было встретить. "Темперамент лошади не должен быть большой проблемой", - ответил Блэк. "Мне сообщили, что один из заряжающих Бедлама заболел, но - ах, вот он". У лошади была темно-каштановая шерсть, но она была мокрой от пота. По моим прикидкам, в стоячем положении она была ростом более пяти футов: в лежащем положении это было трудно определить. Глаза были закрыты, и дышала она неровно.

"Мне ведь не придется выхаживать его, чтобы вернуть здоровье?" спросил я с опаской. Это было красивое животное, но я ничего не знал о лошадях, и мне бы не хотелось, чтобы моя первая лошадь погибла из-за глупой ошибки, которую не допустил бы тот, кто лучше знаком с этим видом животных. "Конюх дает ему один шанс из трех, чтобы продержаться месяц", - сказал он мне. "У него тяжелая форма голубиной лихорадки - абсцессы под кожей. Болезненный способ умереть". Я поморщился. Теперь, когда я присмотрелся, я увидел, что она немного исхудала: Сквозь шерсть виднелись кости ребер, и, если я не ошибаюсь, грудная клетка раздувалась. "Хочешь, чтобы я его вылечил?" Я знал, что некоторые Роли могут это делать. Приводить в чувство людей, находящихся на грани смерти или даже немного за гранью, но у меня сложилось впечатление, что это героические роли, такие как Целительница или Жрица. Блэк покачал головой. "Мы собираемся убить его". Я удивленно моргнул, когда слова на мгновение стали доходить до меня. "Что мы собираемся сделать?"

"Вы не ослышались", - спокойно сказал зеленоглазый мужчина. "Слушай, если это какая-то проверка... Я уже убил двух человек на этой неделе и всерьез подумываю о третьем, так что не вижу в этом смысла..." "Тогда мы воскресим его из мертвых", - ровно продолжил Блэк, как будто я его и не прерывал. Я был слишком ошеломлен, чтобы как следует оскалиться. "Да это же полный пиздец", - наконец смог выдавить я из себя. "Некромантия? Это же с большой буквы Е..." Я замаялся. "Зло", - тихо закончил он. "Да, Кэтрин. Это та сторона, на которой ты сейчас стоишь. Это выбор, который ты сделала".

Я попытался что-то ответить на это, но мои мысли были слишком разрозненны. Я не знал,

почему убийство лошади, которую я никогда раньше не видел, показалось мне более сомнительным с моральной точки зрения, чем перерезание горла двум настоящим людям, но это было так. Они, конечно, были ужасными людьми, но все же людьми. Официальная позиция Дома Света заключалась в том, что у животных нет души, так что убивать их тоже не грех, но... "Черт. Ты мог бы дать мне более мягкую кривую обучения, а не прыгать сразу в воскрешение мертвых", - проговорил я сквозь стиснутые зубы, сомневаясь и ненавидя себя за это. "Ну, знаешь, дать мне возможность окунуться с головой в гогот и монологи, прежде чем совершить метафорический прыжок".

"Монологи - это на любителя", - сообщил мне Блэк. Если у вас есть время произнести речь, у вас есть время убить героя". Тем не менее, это мягкая кривая обучения. Вы не вмешиваетесь в душу лошади, а просто оживляете ее тело некромантической энергией. С точки зрения морали, это ничем не отличается от рубки дерева для создания телеги - вы делаете средство передвижения из того, что когда-то было живым". "Вы пропускаете ту часть, где я сначала его убиваю", - хмыкнул я. Темноволосый мужчина равнодушно пожал плечами. "Оно все равно бы умерло. Вы избавляете его от ненужных мучений, избавляя его от страданий сейчас". "Так почему же вы просто не попросили черноговардейцев притащить какую-нибудь дохлую лошадь, если любой труп подойдет?" спросил я.

Я не был уверен, будет ли это лучше или хуже. Было бы легче отстраниться от всего этого, если бы я никогда не видел животное живым, но при этом я чувствовал бы себя настоящим некромантом. Знаете, каким-нибудь колдуном, который сидит в захудалой башне и заставляет своих приспешников приносить ему трупы, чтобы сделать из них нечестивые мерзости. "Ты не сможешь его поднять", - сказал Блэк. "Ты еще слишком свеж в своей Роли, чтобы управлять чем-то подобным - тебе нужна связь с трупом. Кроме того, из трупа лучшего качества получится лучшая нежить". Я закрыл глаза и глубоко вздохнул, мои пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа на бедре. Я всегда знал, что мне придется переступить через некоторые границы, чтобы продвинуться в Империи. Боги, да я и так отказался от всякого шанса попасть на Небеса после смерти, просто взяв себе Имя не по ту сторону забора, так что все это было сущим пустяком. Все равно что срубить дерево, чтобы сделать телегу, сказал я себе, и эти слова прозвучали как холодное утешение.

"Это будет больно?" спросил я, открывая глаза. "Для лошади, я имею в виду". "Она даже не проснется", - ответил Блэк. Я знал людей, которые и вполонину не умирали так спокойно". "Так что же мне делать?" Я хмыкнул, отпуская нож. "Положи руку на его шерсть", - тихо проинструктировал рыцарь. "Я сделаю большую часть работы, а ты просто должен почувствовать, что происходит".

Я встал на колени перед лошадью и неловко потянулся к ее шее. Она даже не вздрогнула. Блэк присел рядом со мной и положил палец на лоб, почти незаметно сузив глаза. Не было ни треска энергии, ни вспышки света - это не магия, подумал я, во всяком случае, не та, которую используют маги, - но вдруг на мои плечи навалилась какая-то тяжесть. Лошадь стала холодной, от ее прикосновения к моим пальцам по коже побежали мурашки. Ощущения были... трудно описать. Прошлым летом я купался в Серебряном озере на одном из мелководных пляжей. Солнце палило весь день, поэтому вода у поверхности была приятно теплой, но на глубине, куда доставали мои ноги, было прохладно. Это было похоже на то, как если бы теплые воды были остатками Творения, а все мое тело находилось на глубине. Сила не ощущалась извращенной или неестественной, как я ожидал бы от Зла на работе. Она была просто другой, в каком-то фундаментальном смысле.

Лошадь сделала последний вздох и затихла. Блэк нахмурил брови. "А теперь самое сложное". Сила внутри лошади натянулась, как веревка, повинувшись воле рыцаря, и труп дернулся: я

впился пальцами в бока трупа, сосредоточив все свое внимание на происходящем, стараясь не упустить ни одного мгновения. Ладонь резко укололо, как будто в нее воткнули иголку, и осознание трупа раскрылось, как шестое чувство. Я чувствовал аккорды, оживляющие лошадь, и они были моими, как и все пальцы: Я повел рукой, и зарядное устройство поднялось на дыбы. Я не знал, как должны двигаться лошади, как должны работать их конечности, но труп знал, и я опирался на то, чем он был, пока был жив. "Молодец, - пробормотал темноволосый мужчина, поднимаясь на ноги. Я с ужасом понял, что уже встал - как это случилось? "Ему нужно будет дать имя", - подсказал мне Блэк.

Я задумался над этим на мгновение. Я мог бы назвать это как-нибудь героически или вдохновляюще, но это было бы своего рода ложью, отрицанием того, что я только что сделал. Назовем пику пикой. "Его зовут, - объявил я, - Зомби".

<http://tl.rulate.ru/book/93177/3197764>